

ки Войск и Сил на Северо-Востоке России, самобытный художник-акварелист и резчик по дереву, поэт и писатель, спортсмен и тренер.

Это позволит продолжить начатый разговор о художественных коллекциях Исторического выставочного центра «Город воинской славы», который открывает своим посетителям самые сокровенные коллекции. Коллектив ИВЦ открыт для сотрудничества и развития новых форм работы. Мы приглашаем вас в наш выставочный центр. Сотрудникам ИВЦ, как и камчатским художникам, «есть о чём рассказать своему зрителю» (21).

1. Андрей Иванович Плотнов // А. Березин. Вороново. Художественная галерея. 1978 г. Режим доступа: <http://www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=158>.
2. *Вайнштейн И.* Театр Юрия Назарова // Пограничник Северо-Востока. 2007. № 16.
3. *Ерёмин В.* Московский художник Андрей Плотнов. 2.10.2009. Режим доступа: <http://www.sovjiv.ru/news/699>.
4. *Кравченко В.* Трудные вершины Юрия Назарова // Новая Камчат. правда. 2001. 27 июля.
5. *Кульчицкий М.* Творчество // Вести. 1999. 3 авг.
6. *Назаров Ю.* Исповедь художника. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2013.
7. Павел Павлович Куянцев – капитан-художник // Катера и яхты. 1980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.barque.ru/horizon/1980/pavel_kuyantsev.
8. Плотнов Андрей Иванович. Режим доступа: <http://sovcom.ru/index.php?category=painters&painterstypе=painter&painter=294>.
9. *Рогачёв В.* Камчатка. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/oppakamcatkastajlol/dop-informacia/kamcatka-slovami-poeta>.
10. Стихи о художнике, художниках. Режим доступа: <http://что-такое-lyubov.net/stikhi-o-lyubvi/kolleksii-stikhov/9034-stixi-o-xudozhnike-xudozhnikax>.
11. Театр и живопись Юрия Назарова : Буклет. Петропавловск-Камчатский : КОХМ ; КОКМ, 2002.
12. Художники Камчатки: Камчатской организации Союза Художников России 25 лет. Петропавловск-Камчатский : ОАО «Камчатский печатный двор», 2002. 24 с.
13. Художники Камчатки : Рекомендательный указатель литературы. Петропавловск-Камчатский : Камчатский РИО, 1985. 44 с.
14. *Черкашина А.* Диалог: Размышления о произведениях камчатских художников // Камчат. правда. 1987, 29 дек.

П. Л. Калмыков ФОТОПОРТРЕТ ГЕРОЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ

Оборона Петропавловска-Камчатского от англо-французской эскадры в 1854 г. – одна из самых славных страниц истории города. Но многих ли героев мы знаем в лицо? Можно счесть по пальцам: Василий Завойко, Иван Изыльметьев, князя братья Максutowы, Николай Можайский, граф Николай О’Рурк. Все они офицеры, дворяне. А где же те, кого они вели в бой, – матросы, казаки, ополченцы?

Из сотен нижних чинов – участников обороны известны фотографии только двоих – Василия Крупенина и Давида Савинского. Их облик донес для нас «Альбом Дыбовского 1883 г.», хранимый в Камчатском краевом объединенном музее (краеведческом) (8).

Как всякий музейный предмет, альбом имеет т. н. легенду – справочно-информативное пояснение: «Снимки сделаны летом 1883 года...».

Следует согласиться с датировкой – 1883 г., считая его временем составления альбома. Именно в 1883 г. Дыбовский покинул Камчатку и некоторое время гостил в Приморье, в бух. Славянка, на ферме своего друга Михаила Янковского – в Славянке и сделаны несколько последних (по времени) снимков альбома.

Но первые снимки Дыбовский сделал сразу же по прибытии на Камчатку. Еще проплывая Курилы, он очень хотел запечатлеть «мохнатых людей» – айнов, но аппарат был запакован в багаже (1). Несколько фотографий, которыми иллюстрирована книга, совпадают с «альбомными», в частности, на титульном листе помещен вид Петропавловской гавани и парохода «Журьер», на кото-

ром и прибыл Дыбовский, притом подписан годом 1878-м (ошибочно: прибыл ученый на Камчатку в 1879-м). Этот же снимок мы видим в альбоме на листе 28.

На нескольких снимках альбома мы видим «Кошку» – косу, отграничивающую Петропавловскую гавань. В 1882 г., 24 августа, на «Кошке» был установлен чугунный обелиск – памятник Славы. (Ныне он перенесен на Никольскую сопку, а тогда служил и навигационным ориентиром при входе в гавань.) Так вот, этот памятник мы видим в альбоме на листах 9 и 53, притом в праздничной обстановке – с моряками в почетном карауле, с гуляющими нарядными горожанами. Тогда как фото на листе 12 показывает «Кошку» еще без памятника, а на его месте высится куча грунта для будущего фундамента.

Таким образом, в альбом попали снимки разных лет периода с 1879 по 1883-й, и, к сожалению, хронологического порядка в нем нет. Снимки подписаны по-русски, похоже, в спешке: чем далее, тем более торопливым и размашистым, тем менее разборчивым становится почерк (притом это не почерк Б. Дыбовского), и тем больше снимков остается неподписанными.

1. Герой

На листе 96 альбома помещена безымянная фотография человека незаурядного, настоящего героя. Судя по наградам, он герой обороны Петропавловска. Во-первых, это медаль «В память войны 1854–1856 гг.» на георгиевской ленте – такую медаль вручали всем участникам боевых действий в Петропавловске; во-вторых – знак отличия военного ордена, в просторечии «георгиевский крест», который можно было заслужить только подвигом. До уточнения имени будем называть его просто Героем.

Вглядимся. Он немолод. Он и не может быть молод, поскольку со времени обороны прошло более четверти века. Волосы и борода вьющиеся, с сединой. Лысины нет. Стрижен коротко, виски широкие, зачесаны вперед, по моде николаевских времен. Борода и усы жидковаты, растет борода неровно, клочковато, стрижена коротко. Уши оттопырены. Крупное круглое лицо с монголоидными чертами. Умеренно выступающие скулы, широкий нос, глаза маленькие, близко посаженные. Он явно метис европейской и азиатской крови, каковых именовали здесь камчадалами.

Выражение лица открытое, спокойное, уверенное, оптимистичное. В момент фотографии он серьезен, но, похоже, готов к улыбке.

У него завидная физическая стать. Сидит непринужденно, с совершенно ровной спиной, живот крепкий и подтянутый. Плечи развернуты, как у моряка; покаты, не чересчур широки (впрочем, ширина скрадывается тесной курточкой). Развита грудная мускулатура, именно поэтому он привычно держит локти в стороны. Шея средней длины, скрыта воротом.

Одет в необычную «тройку». На теле – рубаха-косоворотка (нам виден только ворот), поверх нее жилет, на котором еле сходятся пуговицы, и, наконец, куртка военного моряка николаевского времени (то есть сшитая до 1855 г.) с унтер-офицерской полоской на рукавах. Куртка расстегнута, пуговиц не имеет, на левой поле виден ряд петелек вероятно для крючков. Именно к куртке слева прикреплены наградные знаки. Брюки на бедрах покрыты какими-то светлыми пятнами (это не дефект фотоэмульсии), словно бы от извести или соли. На ногах сапоги – похоже, по-праздничному начищенные. Правая рука героя лежит на бедре, левая также у бедра, держит фуражку с кокардой и козырьком. Ведомственную принадлежность фуражки определить невозможно, ясно лишь то, что она никак не соответствует николаевской морской курточке.

В общем и целом, Герой – очень обаятельная фотомодель. Тому способствует и крупный рост... А можем ли мы судить о его росте? Да, можем. Фото сделано солнечным летним днем, на фоне дома со ставенками, Герой сидит на стуле с точеными ножками и гнутой спинкой, переходящей в подлокотники. В этот день и на этом стуле Б. Дыбовский запечатлел немало празднично одетых людей. Достаточно взять персонажи мужского пола с соседних страниц альбома, выровнять по масштабу, ориентируясь на размер стула. И становится очевидно, что наш Герой, даже сидя, оказывается на полголовы выше любого другого, включая и Яна Калиновского. (Жаль, не сфотографировался на стуле сам Дыбовский. В нем, как известно, было росту 2 аршина 7½ вершка.)

Итак, наш Герой – высокий, статный, немолодой, но крепкий камчадал. Несмотря на бедность, гордый собой. Несмотря на гордость, приветливый.

Как нам узнать имя Героя? В этом должен помочь знак военного ордена.

2. Имя Героя

Нам неизвестен точный список героев обороны Петропавловска, награжденных георгиевскими крестами. Но есть рекомендательный перечень из «Обращения В. С. Завойко к гарнизону Петропавловска по поводу награждений участников обороны 5 марта 1855 г.».

«...4. Из присланных 18-ти знаков св. Георгия по разделам на команду фрегата приходится шесть; на команду 47-го флотского экипажа, писарей всех управлений, казаков и волонтеров – двенадцать крестов и из двенадцати достается пять соответственно статуса ордена для отличившихся в моих глазах, а именно:

1. Бодман Шестаков – был постоянно моим ординарцем, день и ночь во время всего действия, был сметливым и расторопным в посылках под ядрами и пулями и в глазах моих не одного неприятеля отправил на тот свет, – и все это, кроме исполнения своих обязанностей.

2. Спылихин. Он первым, вызвав в охотники 17 человек, бросился в центр неприятеля, растянувшегося по горе, наделал в них переполоху – тем и остановил его движение, пока наши остальные партии подходили.

3. Пятидесятник Карандашев. Будучи тяжело ранен, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погребца, и затем не оставил пушки, пока я не приказал ему отправиться в госпиталь.

4. Унтер-офицер Абубакиров. Имел четыре раны, хотя и легких, но также из которых кровь лилась ручьями; я его сам перевязывал, а он отправился снова в дело! Для обстоятельства, когда он получил раны, должны быть свидетели.

5. Пятид[есятник] Томский. Будучи легко ранен, при граде пуль не отошел от пушки, и когда фитиль потух, то он, как говорят, угольем выпалил в придувку. Требуется подтверждение, кто именно видел это.

Я прошу г. экипажного командира приказать ротным командирам сделать опрос товарищей вышепомянутых людей и засвидетельствовать как ротным командирам, так и батарейным или партионным офицерам соответственно статусу, могут ли вышеозначенные нижние чины поддерживать честь ордена и не заметили ли они в них каких-либо особенных поступков до принятия или участия в деле» (7, с. 203).

Кто же из кавалеров орденского знака мог проживать в Петропавловске в 1879–1883 гг.? Вспомним, что в апреле 1855 г. порт и его гарнизон были вывезены в устье Амура. Это моряки фрегата «Аврора», почти все чины 47-го флотского экипажа и казенные чиновники. Остались на Камчатке только казаки и немногие матросы. В «Обращении» Завойко названы два казачьих пятидесятника – Карандашев и Томский. Возможно, награду получил и кто-то другой, не названный в «Обращении»?

Как уже упомянуто выше, в 1882 г. в Петропавловске открыт монумент Славы. При торжественном освящении памятника в числе важных персон присутствовал чиновник особых поручений Приморского областного правления Кишенский. По возвращении в облцентр (г. Хабаровку) титулярный советник Кишенский подал на имя военного губернатора рапорт: «При освящении этого памятника присутствовали восемнадцать ветеранов, участвовавших в славном Петропавловском бою: один хорунжий, одиннадцать казаков (из коих два пятидесятника и один урядник), один баталер и пять матросов. Все они – за исключением Хорунжего Савинского, заведывающего Камчатской Казачьей Командой – в отставке. Один из пятидесятников, Алексей Карандашев, тяжело раненный в сражении в левую руку – кавалер знака военного ордена. Хорунжий Савинский получает жалованья 200 рублей в год, имея жену и десять человек детей. Остальные казаки получают один паек провианта. Отставные матросы ничего не получают. При общей бедности жителей Камчатки, весьма близко граничащей с нищетою, все ветераны находятся также в бедности и, несмотря на свои преклонные лета, принуждены тяжелым трудом зарабатывать свое пропитание (Отставной пятидесятник Карандашев, например, 72 лет от роду, почти не владея левою рукою, ездит на шлюпке за 15 верст, из с. Авачинского в п. Петропавловск, вдвоем с женою, чтобы продать ведро ягод за один рубль.)

Хорунжий Савинский и 18 нижних чинов обратились ко мне с просьбой о ходатайстве перед Вашим Превосходительством о пособии» (10, л. 75–77об.).

К рапорту приложен «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 Августа 1854 года при нападении Англо-Французской эскадры». В него включено 17 человек, матросов и казаков, в том числе пятидесятники Алексей Карандашев и Александр Томский (10, л. 82).

Нет сомнений, будь среди ветеранов обороны другой кавалер знака военного ордена, кроме Алексея Карандашева, составитель рапорта не мог бы об этом не упомянуть. Вывод очевиден: пятидесятник Томский орденского знака не получил. Алексей Карандашев таким образом остается единственным в 1882 г. ветераном-орденоносцем, кого мог сфотографировать Бенедикт Дыбовский в Петропавловске-Камчатском.

То, что мы знаем о Карандашеве, никак не противоречит этому выводу и только его подтверждает.

3. Карандашев и Карандашевы

Алексей Степанович Карандашев родился в 1810 г. Отец его был казаком Якутского городского полка (к которому в ту пору относилось все камчатское казачество). Карандашевы жили в селении Авача/Авачинском. В 1828 г. Алексей зачислен в Камчатскую казачью команду, в 1841 г. произведен в урядники. В 1852 г. получил суровое взыскание от военного губернатора В. Завойко, но затем повышение: 31 декабря 1853 г. его произвели в пятидесятники. Карандашев в свое время женился и овдовел. К 1854 г. он женился вторично. По данным, на начало 1855 г. детей у него и его жены Агафьи Ивановны не было (9).

Фамилию Карандашевых можно встретить в книгах современников, посетивших Камчатку. (Многие ли из нас удостоились такой чести?) Осенью 1828 г. в доме Карандашевых в Аваче останавливался Фридрих Генрих фон Киттлиц, художник и знаменитый натуралист, участник экспедиции брига «Сенявин» (2). Один из Карандашевых – имя Киттлиц не называет – был его проводником по югу Камчатки и оправдал свою репутацию как знаток мест и языков, искусный и смелый охотник, умный и приветливый, предусмотрительный и заботливый, умеющий также вкусно приготовить добытую дичь. Киттлиц оставил нам свои записки и великолепные рисунки, среди которых портрет проводника, увы, отсутствует.

Транспорт «Або» (командир А. Л. Юнкер) 5.09.1840 г. вышел из Кронштадта и 21.09.1841 г. прибыл в Петропавловский порт. Участник плавания Алексей Бутаков пишет:

«В день молебна мы были приглашены на обед, данный г. Начальником Камчатки по случаю обручения Цесаревича. Все петропавловское общество – духовенство, чиновники и купцы со своими женами и дочерьми, собралось в дом духовного училища, где после обеда был еще и бал. Мы танцевали французские кадрили, лакасею и мазурку под музыку шарманки и русских песен, которые лихо попиливал на скрипке казак Карандашев; пол пошевеливался под ногами, музыка Карандашева с припевом несколько разнствовала от оркестров Лядова или Германа, но что до этого? – гости веселились от души – следственно, главная цель была достигнута. <...>

Наконец, гости собрались, оркестр грянул, и веселье началось. Оркестр состоял из двух скрипок – казака Карандашева и слуги одного из наших офицеров: французская кадрили была подобрана из русских песен, и при каждой перемене фигур музыкантам командовалось: «Чирика! Перепелку! Татарина!» и проч., потому что они не знали порядка фигур» (4, с. 6, 24).

Запали камчатские балы в душу и другому офицеру транспорта «Або», Густаву Блоку:

«Татарин – это была, кажется, любимая пьеса усердного Карандашева: он улыбался, разгрывая ее, и маленькие глаза его тогда почти исчезали. <...>

Кадрили шла успешно: дамы изредка путались, но такого рода замешательство выкупалось вполне тщательными па, пестрившими этот монотонный танец цивилизованных народов. Все веселились, шутили, танцевали, кружились, и даже сам Карандашев, для соблюдения такта, а может быть и для собственного удовольствия, припрыгивал и от души смеялся. Вечер прошел вообще непринужденно весело, и только к 5 часам утра гости наши разъехались – виноват! – разошлись по домам». Описывая второй бал, где скрипачи играли вдвоем, Блок пишет: «Дирижировал... оркестром старый приятель, очаровательный Карандашев!» (3, с. 270, 271, 273).

Если тождество Карандашева-скрипача и Карандашева-орденоносца лишь вероятное, то указание Юлии Завойко, супруги военного губернатора, вполне определенное:

«Был тут между ранеными казак Карандашев, страшный силач: он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево и т. п. штуки. Он был при полевой пушке; 24-го две лошади были под ней убиты, он ее свалил в ров, и оттуда еще раз навел ее и выпалил в нападающий десант. Он был тяжело ранен, пролежал два месяца, но, оправившись, не потерял своей замечательной силы» (6).

Небывалая сила Карандашева вошла в легенду, записанную уже в XX в. краеведом П. Т. Новограбленовым. Растет-де на Камчатке «сильная» трава, которую найти не проще, чем цвет папоротника, только по указке дятла. Такая трава была «врезана» в руку старика Карандашева. Поэтому он в одиночку оправлялся с почтой и товарами в чукотские кочевья, не страшась быть убитым и ограбленным. В ответ на угрозы он демонстрировал свою силу: «Карандашев схватил два камня с очага и, держа их в руках, раздавил их перед онемевшими чукчами.

– Если кто попробует меня тронуть, – велел он передать им, – то я перекрошу всех до одного, как эти камни!

Чукчи в испуге разбежались» (5, с. 361–363).

Вернемся в год 1882. Из рапорта титулярного советника Кишенского мы знаем, что в открытии памятника Славы участвовали 18 ветеранов обороны 1854 г. Присутствовали также моряки крейсера «Африка» и клипера «Вестник». Офицеры этих кораблей оставили нам свои свидетельства. Пишет Всеволод Руднев, лейтенант крейсера «Африка»:

«Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р. [т. е. самого В. Ф. Руднева]. К этому времени прибыло духовенство; когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперед на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашева» (11, с. 139).

Второе свидетельство, командира клипера «Вестник» Ф. К. Авелана, нам не удалось найти в оригинале, только пересказ В. П. Кускова: «После открытия в честь участников обороны (их оказалось налицо восемнадцать человек) был дан обед. На нем подвыпивший Карандашев заявил, что, несмотря на свои семьдесят два года, он хоть сейчас готов в бой за отечество» (9).

Примечателен сам факт, что из 18 ветеранов лейтенанту Рудневу запомнился только один!

Вернемся к фотопортрету Алексея Степановича Карандашева, сделанному Бенедиктом Дыбовским. По какому поводу герой прибыл в город и предстал перед фотографом в своей парадной одежде, при наградах? Смело можно объединить снимки целого ряда празднично одетых горожан в единую «фотосессию», поскольку Дыбовский больше проводил в разъездах по полуострову, нежели в городе. Несомненно, этот погожий день был большим праздником. Кто знает – может быть, и тем самым 24 августа 1882 г., днем освящения монумента Славы, при котором достоверно Карандашев присутствовал и пользовался общим вниманием.

4. Заключение

Остается упомянуть еще два момента.

В альбоме Дыбовского на листе 70 помещена фотография, подписанная: «Дом в селении Авачинском Карандашева». На фоне бревенчатого дома позирует семейство. Главу можно угадать в мужчине – он сидит, перед ним стоит бочка, покрытая досками, с этих досок свисает нечто продолговатое, возможно, рыбины, которые мужчина придерживает руками. Другие люди стоят – две женщины в платках, двое мужчин. К большому сожалению, качества снимка плохое, он темен и очень зернист (всё же Бенедикт Дыбовский был начинающим фотографом), никакими ухищрениями не удастся сделать лица разборчивыми. Крупное, круглое лицо главы семейства, короткая борода, покатость плеч вполне соответствуют общему облику Алексея Карандашева на листе 96, но уверенно опознать его невозможно.

И наконец: каков был ответ областного начальства на ходатайство титулярного советника Кишенского? Он краток, воспроизведем полностью с сохранением пунктуации.

«К № 10971/1290. Отделение II. Стол II. № 778 января 1883 г

Г. Петропавловскому окружному исправнику.

Вследствие рапорта Чиновника особых поручений пр[иморского] об[ластного] пр[авле]ния титулярного советника Кишинского от 1 Ноября за № 4, о помещении детей Хорунжего Савинского на воспитание на счет казны, о выдаче пятидесятнику Алексею Карандашеву пенсии за знак военного ордена и нижним чинам: Николаю Ипатьеву, Тувалину, Василию Митюгову, Русанову пособия, – покорнейше прошу Ваше высокоблагородие объявить Хорунжему Савинскому, что так как из рапорта Кишинского не видно[,] в какое именно учебное заведение Савинский желает поместить детей своих[,] ходатайство это оставлено без последствий; пятидесятнику Карандашеву, что о пенсии, следующей на знак военного ордена вместе с сим за № 78 сообщено в комитет о раненных и вышеупомянутым нижним чинам, что закон о выдаче 130 руб. в пособие до них не относится, так как состоялся после их увольнения в отставку, а потому ходатайство в отношении сего оставлено без последствий» (10, л. 84–84об.).

Как видим, «без последствий» оставлены все ходатайства, кроме прошения Карандашева, дальнейшая судьба которого остается неизвестной. Само же прошение ценно для нас еще и тем, что под ним поставлена собственноручная подпись: «Алексей Карандашев». Теперь эту подпись можно смело поместить под безымянной прежде фотографией из альбома Бенедикта Дыбовского.

Алексей Степанович Карандашев умер 17 декабря 1885 г. в возрасте 77 лет от воспаления легких (5, с. 357).

Имя руководителя Петропавловской обороны увековечено в названиях улицы, поселка; ему поставлен памятник. Память героев, кто защищал Петропавловск с оружием в руках, заслуживает

не меньшего. Хотя бы в лице казака-камчадала, уроженца п. Авача, легендарного богатыря Алексея Степановича Карандашева.

1. *Dybowski B.* O Syberyi i Kamczatce, Warszawa, 1912. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polona.pl/item/1522838/299/>
2. *Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka von F. N. von Kittlitz.* Gotha: Perthes. 1858. (Памятные моменты путешествия в русскую Америку, Микронезию и по Камчатке). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.siberian-studies.org/publications/PDF/kittlitz.pdf>
3. *Блок Г. К.* Два года из жизни русского моряка. Описание кругосветного плавания, совершенного в 1840–1842 годах на российском транспорте «Або». СПб., 1854.
4. *Бутаков А. И.* Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах. Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. 1. Отд. II.
5. *Вахрин С. И.* Тайны камчатских имен. Петропавловск-Камчатский, 2014. Т. 1. С. 361–363.
6. *Завойко Ю. Г.* Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855). Русский вестник. Т. 123. Вып. 5–6. 1876. С. 442–504.
7. *Защитники Отечества.* Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 272.
8. КГУ ККОМ. Ф-IV-5176.
9. *Кусков В. П.* Пятидесятник Алексей Карандашев // Дальний Восток. 1974. № 1. С. 139–142.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512.
11. *Руднев В. Ф.* Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 гг. СПб., 1909.

Г. А. Карпов, В. М. Сугробов
ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ АВЕРЬЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ГЕОТЕРМАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ КАМЧАТКИ

Имя Валерия Викторовича Аверьева было отлично известно всем вулканологам недавнего XX в. Исключительно талантливый ученый-геотермик, он стоял у истоков российской геотермальной энергетики. А началась она, фактически, с 1956 г., когда на Камчатку прибыла геотермическая экспедиция Президиума Академии наук СССР, возглавляемая академиком М. А. Лаврентьевым. Её задачей было изучение районов проявления горячих источников, перспективных для развития геотермальной энергетики, и определение места заложения первой промышленной геотермальной скважины. Выбор пал на Паужетское термопроявление, известное еще со времен экспедиции С. П. Крашенинникова и к этому времени уже хорошо описанное Б. И. Пийпом в его монографии «Термальные ключи Камчатки». Как показали разведочные работы, пластовая горячая вода с температурой до 200 °С здесь вскрывается на глубинах 100–300 м. В пласте горячая вода находится под большим давлением. Выведенная бурением на поверхность, вода превращается в пар, который может быть использован для производства электроэнергии. Экспедиция Академии наук СССР дала заключение о возможности сооружения опытной геотермальной электростанции на базе Паужетского месторождения гидротерм. Но в СССР в то время было еще очень мало и практического опыта разбуривания геотермальных площадей, и теоретических разработок вопросов геотермического профиля. Впервые приехав на Камчатку в 1954 г., молодой выпускник геологического факультета МГУ В. В. Аверьев загорелся идеей использования термальных вод для энергетических целей. В 1957 г. он возглавил Паужетскую контрольно-наблюдательную станцию Лаборатории вулканологии АН СССР. Здесь наиболее ярко проявились его творческие способности.

В период 1957–1963 гг. силами Паужетской контрольно-наблюдательной станции, влившейся в организованный в 1962 г. Институт вулканологии СО АН СССР, под практическим и идейным руководством В. В. Аверьева были изучены геолого-структурные особенности и термический режим месторождения, успешно проведено опробование скважин поисково-разведочного бурения, выполнен большой объем гидрогеологических исследований месторождения, подсчитаны и утверждены его эксплуатационные запасы. При этом под руководством В. В. Аверьева и его учеников непосредственно на Паужетке была изготовлена недостающая аппаратура для опробования скважин (система оголовков, лубрикаторов, сепарационных установок, расходомеров, калориметров, пробоотборников и др.) и освоены многие новые технологии и методы оценки физико-химических параметров месторождения, которые вошли в практику гидрогеологических, гидрохимических и геотермических